

УДК 821.161.1.09

СИНКРЕТИЧНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ПОЭЗИИ А. БЛОКА

Клара Эрновна Штайн

д. филол. н., профессор кафедры русского языка

Северо-Кавказский федеральный университет

355009, Ставрополь, ул. Пушкина, 1. textus@mail.ru

Денис Иванович Петренко

д. филол. н., профессор кафедры теории и методики преподавания

филологических и исторических дисциплин

Ставропольский государственный педагогический институт

355029, Ставрополь, ул. Ленина, 417а. textus@mail.ru

В статье рассматривается эстетизация языка поэзии А. Блока как способ создания «действенной» художественной формы произведения. Прослеживается основная прагматическая установка символистов как сотворчество художника и читателя. Поэзии А. Блока свойственна такая особенность в наборе грамматических единиц текста, как употребление широкого спектра субстантивов – от узуальных до окказиональных. Поэтому, оперируя языком как классификационной сущностью, художник может отобразить дополненность и неопределенность в восприятии явлений мира через неоднозначные синкретичные языковые единицы. Поэтический текст способен «оживить» во внутренней форме субстантива все предшествующие свойства, которые начинают «работать» в равной степени с текстовыми значениями субстантива. Субстантив не только «хранит» в своей внутренней форме всю систему предшествующих преобразований, но и в соответствующих контекстах обладает свойством воспроизвести их через отношения дополненности, т. е. равноправного проявления взаимоисключающих свойств. Субстантивы как синкретичные языковые средства – неизменная стилевая черта творчества А. Блока. Отталкиваясь от языковых инвариантов, художник приходит к такой разветвленной системе вариантов, что она образует относительно самостоятельную подсистему поэтического идиолекта А. Блока, способствующую созданию «действенной» поэтической формы.

Ключевые слова: синкретизм; узуальные и окказиональные субстантивы; символизм.

Символизм характеризовался всесторонне разработанной творческой программой, в которой главным принципом всегда оставалась эстетизация языка как способа создания «действенной» художественной формы произведения. Основная прагматическая установка символистов – на сотворчество художника и читателя – предполагала (в особенности, в интерпретации А. Блока) «внесение гармонии в мир» [Блок 1962а: 165]. Отсюда поэзия рассматривалась как «искусство двигательное, не созерцательное, а действенное, – и, в конечном счете, не иконотворчество, а жизнетворчество» [Иванов 1916а: 139]. В качестве посредника между читателем и художником используется «условный язык», направленный на человека как «силу творческую» [Брюсов 1975: 48–49].

Язык как особый материал поэзии должен вбирать в себя возможности материалов других искусств, и в первую очередь, музыки и живописи (ср. у символистов культ Аполлона и Диониса), но не в подражании им проявлялось синтезирующее свойство языка, а в самих его музыкальных и живописных потенциях. «Если я поэт, я умею *живописать*... словом... если, поэт, я умею *петь*¹ с волшебной силой... если, поэт и мудрец, я владею познанием вещей и, услаждая сердце слушателя, наставляю его разум и воспитываю его волю...», – писал Вяч. И. Иванов [Иванов 1916б: 147–148].

Для произведения, написанного методом символизма, очень важно единство расположения материала, т. е. особая гармонизация («...единство средств есть единство расположе-

ния» [Белый 1910: 134]), отсюда установка на «соединение», возникновение «третьих смыслов» (о гармонической организации поэтических произведений символистов см.: [Штайн 2006; Штайн, Петренко 2011: 245–287; Штайн, Петренко 2015: 221–277]). Соединение это было моделировано на основе архетипического образа: «Ежели искусство вообще есть одно из могущественных средств человеческого соединения, то о символическом искусстве можно сказать, что принцип его действительности – соединение... И в каждом произведении истинно символического искусства начинается лестница Иакова» [Иванов 1916б: 149]. Мифологическая модель, полученная на основе этого архетипа (лестницы Иакова), предусматривает связь «верха» и «низа», разных космических зон (в наиболее полном виде – мир богов, людей и умерших). Если провести методологическую расшифровку такого подхода, он окажется глобально дополнительным по своей познавательной и воспроизводящей сущности. Принцип дополненности, общенаучный, имеет глубокие художественные свойства, более того, он пронизывает и сам язык. Впрочем, нечему удивляться: его автор физик Н. Бор, исповедовавший принцип «единства знаний», как раз и вывел его из наблюдений «над языковой двусмысленностью» [Розенфельд 1967: 69]. Дополненность в языке хорошо не изучена, но можно с уверенностью утверждать, что явление синкретизма в языке и речи представляет собой действие принципа дополненности – соединение противоположных свойств в одной единице языка; в силу своей исходной двойственности синкретичные явления сродни дуальному миру А. Блока.

Характеризуя синкретизм как «совмещение... дифференциальных признаков разных членов предложения», В.В. Бабайцева отмечает «неоднозначность» языковых явлений, «выражающих сложнейшие связи и отношения между явлениями действительности» [Бабайцева 1979: 105–106]. А.Я. Баудеру принадлежит удачная мысль о «двуединой сути» синкретичного языкового явления, отраженного в наборе традиционных терминов: наречный предлог, союз-частица, субстантивированное прилагательное» [Баудер 1988: 33–34].

Синкретизм в поэтическом идиолекте А. Блока в принципе изоморфен синкретизму в языке и речи – он базируется на соединении и взаимопроникновении противоположных, взаимоисключающих свойств в единицах практически всех уровней. Лексическое значение, как правило, расщепляется, и несколько компонентов актуализированы одновременно, хотя передаются через один звуковой комплекс и осмысляются в

одном диагностическом контексте. Для творчества А. Блока характерна такая особенность в наборе грамматических единиц текста, как употребление широкого спектра субстантивов – от узуальных до окказиональных. Неоднозначными свойствами часто характеризуются предложения и его члены, и даже текст, как правило, имеет двойственную структуру и семантику, выявляющиеся во взаимодействии текста и подтекста. Неоднозначны также тропы и поэтические фигуры.

Итак, художник, оперируя языком как классификационной сущностью, способен отобразить дополненность явлений через неоднозначные синкретичные языковые единицы. В результате естественный язык может избежать, в отличие от терминов науки, таких кризисных ситуаций, когда для описания одного и того же явления привлекаются взаимоисключающие понятия, хотя и такие способы определений существуют в языке (принцип парадокса, например: «*И невозможное возможно...*» у А. Блока). Причина – огромные возможности эстетических функций языка, которые пронизаны «восприятием наблюдателя (образом автора. – К.Ш., Д.П.), и этим эмоционально объединяются многообразные стороны человеческого познания» – научного и художественного [Бор 1971: 481]. Многозначность, кроме того, – характерная атмосфера символа (это характеристика Э. фон Сюдова [см.: Яроцкий 1978: 52]).

Обратимся к одному из циклов первой книги «Трилогии вочеловеченья» А. Блока – «Распутье» (1902–1904). Система узуальных и окказиональных субстантивов пронизывает его, придавая целостность и единство как отдельным произведениям, так и всему циклу; все творчество А. Блока, как известно, по определению самого поэта, роман в стихах.

Большая часть субстантивов, используемых А. Блоком, как правило, субъекты – носители материализованного инобытия, они призваны обозначать символ Вечной Женственности, или Души Мира, которая воплощает в себе «чистое и полное человечество, высшую и всеобъемлющую форму живой души природы и вселенной» [Соловьев 1913: 188]

Символ архетипичен, это символ всеединства, соединяющий в себе понятия «верха» и «низа» в плане дополненности. Отсюда конкретно-референтная отнесенность словесного знака становится расплывчатой, уступает место «игре концептуальными значениями» [Смирнов 1977: 53]. Субстантивы *бестелесный, неизвестный, молчаливые, ясная, златокудрая, пречистая, тающее, сильный, знающий, влюбленный, непробудная, мертвый, недвижимый кто-то, черный*

кто-то, кто-то косматый, кривой и рогатый и т.д. погружены и атмосферу тайны (неслучайно так часто функционируют неопределенные местоимения как в тексте с общим значением *неизвестный*, так и в структуре сложных субстантивированных сочетаний, например, *недвижный кто-то*):

.....
Где мы пропели и прошли,
Еще поет и ходит *кто-то*...

.....
Я знаю все. Но мы – вдвоем.
Теперь не может быть и речи,
Что не одни мы здесь идем,
Что *кто-то* задувает свечи.
(Мы всюду. Мы нигде. Идем... 1902)

Сложнейшие колебания между взаимоисключающими смыслами пронизывают цикл. Система субстантивов при этом находится в сложной цепи переходных значений и смыслов, они очень подвижны по семантике, подвергаются тончайшей нюансировке со стороны художника.

Обращение Блока к абстрактному словарю субстантивов с постоянно скрывающейся и в то же время обозначающейся предметностью направлено на изображение символа – концепции. Отсюда актуализация концептуальной признаковости с размытой семантикой цвета – *златокудрая – ясная* и четко проявленный субстантив *черный кто-то*. Временная оппозиция также решена в системе дополнительностей и, как это часто бывает у символистов, диахронно: *вчерашнее, минувшее – новое*. «Верх», духовное (*сильный, знающий, влюбленный*), находится в соотношении с внутренней оппозицией *юные – мертвые*, символизирующей «низ», землю, но только в соединении с «верхом». С помощью субстантивов моделируется поэтический мир цикла, созданный по принципу «лестницы Иакова», он мифологичен по сути.

Морфологической базой для субстантивов являются по преимуществу прилагательные – собственно прилагательные и отглагольные дериваты. Признаковые значения, значения состояния у субстантивов актуализируются как лексическим, так и синтаксическим контекстом. Лексическими средствами, актуализирующими компонент нерасчлененно как признаки-состояния у субстантивов, являются, как правило, антонимы, синонимичные средства лексики:

Молчаливые мне понятны,
Я люблю *обращенных в слух*:
За словами – сквозь гул невнятный

Просыпается светлый дух.
(Я к людям не выйду навстречу... 1903)

Текст внутренне тавтологичен, так как цепь *молчаливые – обращенных в слух – за словами* формирует сложный компонент значения – состояние как признак. Особая синтаксическая позиция подлежащего со значением объекта (ср.: «Я понимаю тех, кто молчит») в обратимой конструкции цементирует предметное значение, но и одновременно актуализирует внутреннее значение состояния. Все это способствует возникновению качественно нового признака.

Иногда оживление внутреннего значения происходит окказионально – через лексическую ассимиляцию, или поэтическую этимологию:

В тихом воздухе – *тающее, знающее*...
Там что-то *притаилось* и смеется.
Что смеется? Мое ли, *вдыхающее*,
Мое ли сердце радостно бьется?
(Отворяются двери – там мерцанье... 1903)

Субстантивы сочетают предметный, признаковый и глагольный компоненты значения, причем «оживает» внутренняя форма субстантивов как мотивированных прилагательными отглагольного характера. Субъектно-предикатная семантика так же нерасчлененна, как и неоднозначна квалификация этого члена предложения – подлежащее-сказуемое.

Лексическая ассимиляция *тающее – притаилось* и цепь глаголов *притаилось, смеется, бьется* приводят к тому, что начальное *тающее, знающее*, вынесенное к тому же в рифму, как бы в свернутом виде содержит в себе последующую цепь глаголов. Ассимилируются не только внешне созвучные слова. Вступая в межрифменные связи, находясь в позиции обособления, отглагольное прилагательное *вдыхающее*, несмотря на наличие антецедента (*мое ли*), опредмечивается как бы на глазах, неся уже усложненный комплекс семантических и синтаксических функций (обособленное определение полупредикативного характера с потенциальной функцией подлежащего). Неся концептуальные свойства (тайны, неведомого), эти субстантивы тем не менее полны высокой экспрессии. Их значения и функции не имеют завершенного характера, это только векторы смысла, полностью раскрывающиеся в еще более широком контексте.

Как видим, субстантивы окказионального характера обусловлены контекстными – лексическими и синтаксическими – параметрами. Следует отметить, что степень «опредмеченности» прежде всего зависит от синтаксической позиции субстантива. Наиболее опредмеченными являются

ся субстантивы в роли подлежащих, несущих субъектную семантику, а также прямые дополнения с объектной функцией: «*Мертвый* качался и падал ничком...»; «Или это *ясная* мне улыбается?»; «*Кто бунтует*, – в том сердце щедро, // Но безмерно прав *молчаливый*».

Степень субстантивации и здесь различна. *Мертвый* – это субстантив узуального характера с наиболее закрепленной предметной семантикой. *Молчаливый* имеет меньшую степень субстантивации, в нем оживлена глагольная внутренняя форма. Интересно, что последнее двустигмное построено по принципу зеркальной симметрии (АБ – БА). *Кто бунтует* – предикативная единица – практически равна по синтаксическим и семантическим функциям окказиональному субстантиву *бунтующий*. Находясь в антонимических отношениях с лексемой *молчаливый*, предложение-субстантив одновременно координирует с ним по синтаксическим свойствам и по семантике, противопоставляясь одновременно как окказиональная аналитическая форма субстантива (синтаксическая номинация) синтетической (ср.: *кто бунтует* – *бунтующий*, *молчаливый* – *кто молчит*). Эти трансформации вполне правомерны уже потому, что причастные формы, как первично мотивирующие субстантивы, по своим синкретичным морфологическим и синтаксическим свойствам синонимичны прилагательным. Таким образом, поэтический текст может «оживить» во внутренней форме субстантива все предшествующие свойства, которые начинают «работать» в равной степени со свойствами субстантива. Субстантив не только «хранит» в своей внутренней форме всю систему предшествующих преобразований, но и в соответствующих контекстах способен воспроизвести их через отношения дополнительности, т. е. равноправного проявления взаимоисключающих свойств.

Примечательным явлением можно считать синтаксически несвободные словосочетания в функции субстантива. Их внутренние связи – это отношение определяемого (*кто-то*) и определяющего (*недвижный*, *черный*). Но из-за семантической ослабленности главного слова субстантивация определяющих слов не только происходит, но и втягивает в этот процесс определяемое слово. Таким образом, субстантив-словосочетание и един, и расчленен одновременно. Следует отметить различие в положении главного слова. В данных словосочетаниях имеет место его постпозиция. Но в этом цикле есть и словосочетание-субстантив, построенный по отношению к названным по принципу зеркальной симметрии:

В роще хохочет над круглым горбом
Кто-то косматый, кривой и rogатый.
(Плачет ребенок. Под лунным серпом... 1903)

Степень субстантивации здесь, думается, несколько ниже, как вследствие актуализации прилагательных, составляющих однородный ряд, так и вследствие начальной позиции неопределенного местоимения в функции подлежащего. Но референция «местоимения неизвестности» становится более конкретной в силу особенностей восприятия действительности говорящим: *кто-то* – *недвижный* (динамика), *черный* (цвет, хотя его семантика мифологизирована). При этом в такой сочетаемости «неопределенные местоимения утрачивают свое обычное значение и порождают шкалу оценки» [Падучева 1985: 210].

Часто наблюдается такой синтаксический и семантический синкретизм, который вызван обратимостью страдательной конструкции: «*Ты обманут неизвестным*» – синтаксическая семантика субъекта в функции дополнения требует расслоения семантики лексической: признаковое значение сосуществует со значением лица как носителя признака.

Интересная динамика прослеживается в различного рода сегментированных и обособленных конструкциях (именительный представления, обращение, обособленное определение): «Перед тобою, *Златокудрой*, // Склоняю даже знамена...»; «Все мне, *невучее*, тяжело и трудно. // Песни твои, и снега, и костры...»; «*Непробудная*... Спи до срока».

Последние случаи представляют высокую степень субстантивации с одновременной актуализацией признака. Первый пример являет более слабую степень субстантивации ввиду отнесенности к антецеденту (*тобой*). Но одновременная полупредикативная функция, вынос лексемы в разряд собственных имен все же позволяет причислить данное прилагательное к окказиональным субстантивам.

Примечательна творческая эволюция Блока через употребление таких стилевых черт, как субстантивы. Цикл «Родина» (1907–1916) отражает эту динамику. Субстантивы в нем менее частотны, но тем не менее они пронизывают цикл, концентрируясь в двух центральных произведениях: «На железной дороге» (1910), «Петроградское небо мутилось дождем» (1914). Следует сразу отметить, что для позднего творчества Блока характерны субстантивы, имеющие уже весьма конкретную референцию. Диапазон их расширяется вплоть до опредмеченной категории состояния и междометия.

Первая строфа стихотворения «На железной

дороге» весьма показательна для всего произведения в целом, так как синкретизм пронизывает все произведение – от текста до члена предложения и лексем:

Под насыпью, во рву некошенном,
Лежит и смотрит, как живая,
В цветном платке, на косы брошенном,
Красивая и молодая.

Субъект-подлежащее вынесен в конец строфы, организован парным отношением окказиональных субстантивов. Отрыв прилагательных от возможного определяемого существительного возводит происходящее в ранг обобщения. Но конкретные черты (молодость, красота) здесь налицо. Субстантивы, несущие характеризующие свойства, вынесены в рифму, на основе межрифменных связей возникает подтекстовое оценочное значение, которое принадлежит другому субъекту, это уже авторская точка зрения: *брошенная молодая*.

Некошенном – брошенном.
Живая – молодая.

Это подтекстовое значение реализуется далее текстом: «*Так мчалась юность бесполезная...*». Парная организация членов предложения в произведении способствует опредмечиванию персонализации «*Три ярких глаза набегающих*», которая с обобщенно-предметными субстантивами *проезжающих, сонные* получает единую характеристику. Знаменитая строфа: «*Вагоны шли привычной линией, // Подрагивали и скрипели; // Молчали желтые и синие; // В зеленых плакали и пели*» – характерна отрывом прилагательных от antecedента. Вынесение их в отдельное двустигшие, употребление в роли подлежащих, парность способствуют опредмечиванию признаков. Тут целый смысловой пучок: сочетаются семантика цвета, социальной принадлежности вагонов, их предметная конкретность и одновременно обобщенность, возведенная в ранг символа.

Последняя строфа стихотворения обнаруживает отнесенность состояния, выраженного безлично-предикативным словом *больно*, к различным субъектам:

Не подходите к ней с вопросами,
Вам все равно, а ей – довольно:
Любовью, грязью иль колесами
Она раздавлена – все *больно*.

Состояние *больно* отнесено одновременно к героине стихотворения, авторскому голосу, который обнаруживается через подтекст всего сти-

хотворения; кроме того, опредмеченное местоимение *все* проецирует данное состояние на бесконечное множество субъектов. Исследователи отмечают, что «среди классов состояний выделяются два вида – временные и устойчивые» [Падучева 1985: 223]. Данная категория состояния обнаруживает оба компонента – временный как состояние физической боли и постоянный как всеобщее состояние. Блок сам дал этому объяснение: «Россия была больна и безумна, и мы, ее мысли и чувства, вместе с нею. Была минута, когда все чувства нашей Родины превратились в сплошной, безобразный крик умирающего от мучительной болезни» [Блок 1962: 445].

Метаморфоза состояний, опредмеченная звуковая стихия, свойственна стихотворению «Петроградское небо мутилось дождем» (1914).

Местоименные субстантивы *одни, другие*, постоянно опредмечивающееся междометие *ура*, модальное слово с императивным значением *пора*, насыщение текста синекдохами: «*Без конца – взвод за взводом и штык за штыком, // Наполнял за вагоном вагон*»; тавтология, повторы, опредмеченность криков и состояний способствуют очень точному, импрессионистичному и одновременно обобщенному представлению реальности. В результате мы имеем особый текст – с конкретной референцией и одновременно нереперентный, восходящий к единому символу – России, проецирующий ее в будущее.

Итак, субстантивы как синкретичные языковые средства – неизменная стилевая черта творчества А. Блока. Отталкиваясь от языковых инвариантов, художник приходит к такой разветвленной системе вариантов, что она образует относительно самостоятельную подсистему поэтического идиолекта А. Блока, способствующую созданию «действенной» поэтической формы.

Примечание

¹ Во всех случаях курсив авторов статьи.

Список литературы

- Бабайцева В.В.* Русский язык. Синтаксис и пунктуация. М.: Просвещение, 1979. 270 с.
- Баудер А.Я.* Функционирование синкретичного слова // Функционирование языковых единиц и категорий. Таллинн, 1988. С. 30–42.
- Белый А.* Символизм. М.: Мусагет, 1910. 633 с.
- Блок А.А.* О назначении поэта // Блок А.А. Собрание сочинений: в 8 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1962а. Т. 6. С. 160–168.
- Блок А.А.* Ответ Мережковскому // Блок А.А. Собрание сочинений: в 8 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1962б. Т. 5. С. 442–445.
- Бор Н.* Единство знаний // Бор Н. Избранные

научные труды: в 2 т. М.: Наука, 1971. Т. 2. С. 481–496.

Брюсов В.Я. О искусстве // Брюсов В.Я. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Худож. лит., 1975. Т. 6. С. 43–54.

Иванов В.И. Заветы символизма // Иванов В.И. Борозды и межи. М.: Мусагет, 1916а. С. 119–144.

Иванов В.И. Мысли о символизме // Иванов В.И. Борозды и межи. М.: Мусагет, 1916б. С. 145–159.

Падучева Е.В. Высказывание и его соотносённость с действительностью. М.: Наука, 1985. 272 с.

Розенфельд Л. Развитие принципа дополнительности // Нильс Бор. Жизнь и творчество: сб. ст. М.: Наука, 1967. С. 61–87.

Смирнов И.П. Художественный смысл и эволюция поэтических систем. М.: Наука, 1977. 204 с.

Соловьев В.С. Идея человечества у Августа Конта // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1913. Т. 9. С. 172–193.

Штайн К.Э. Гармония поэтического текста: Склад. Ткань. Фактура. Ставрополь: Ставроп. гос. ун-т, 2006. 646 с.

Штайн К.Э., Петренко Д.И. Филология: История. Методология. Современные проблемы. Ставрополь: Ставроп. гос. ун-т, 2011. 916 с.

Штайн К.Э., Петренко Д.И. Гармония и симметрия. Ростов н/Д: ЗАО «Книга», 2015. 704 с.

Яроцинский С. Дебюсси, импрессионизм, символизм. М.: Прогресс, 1978. 232 с.

References

Babajtseva V.V. *Russkij jazyk. Sintaksis i punktuatsija* [The Russian language. Syntax and punctuation]. M.: Prosveshchenie Publ., 1979. 270 p.

Bauder A.Ja. *Funktsionirovanie sinkretichnogo slova* [Functioning of the syncretic word] *Funktsionirovanie jazykovykh jedinit i kategorij* [Functioning of language units and categories]. Tallinn, 1988. P. 30–42.

Belyj A. *Simvolizm* [Symbolism]. M.: Musaget Publ., 1910. 633 p.

Blok A.A. *O naznachenii poeta* [About a poet's mission] *Blok A.A. Sobranije sochinenij* [Collection of works: in 8 vols.]. M. –L.: State Publishing House of Fiction, 1962a. Vol. 6. P. 160–168.

Blok A.A. *Otvet Merezhkovskomu* [The answer to

Merezhkovsky] *Blok A.A. Sobranije sochinenij* [Collection of works: in 8 vols.]. M. –L.: State Publishing House of Fiction, 1962b. Vol. 5. P. 442–445.

Bor N. *Edinstvo znaniy* [The unity of knowledge] *Bor N. Izbrannyje nauchnyje trudy* [Selected scientific works: in 2 vols.]. M.: Nauka Publ., 1971. Vol. 2. P. 481–496.

Brjusov V.J. *O iskusstve* [About art] *Brjusov V.J. Sobranije sochinenij* [Collection of works: in 7 vols.]. M.: Khudozhestvennaja Literatura Publ., 1975. Vol. 6. P. 43–54.

Jarotsin'skij S. *Debjussi, impressionizm, simvolizm* [Debussy, impressionism, symbolism]. M.: Progress Publ., 1978. 232 p. *Ivanov V.I. Zavety simvolizma* [Precepts of symbolism] *Ivanov V.I. Borozdy i mezhi* [Furrows and boundaries]. M.: Musaget Publ., 1916a. P. 119–144.

Ivanov V.I. Mysli o simvolizme [Thoughts about symbolism] *Ivanov V.I. Borozdy i mezhi* [Furrows and boundaries]. M.: Musaget Publ., 1916b. P. 145–159.

Paducheva E.V. Vyskazyvanije i ego sootnesenost' s dejstvitel'nost'ju [A statement and its correlation to reality]. M.: Nauka Publ., 1985. 272 p.

Rozenfel'd L. Razvitije printsipa dopolnitel'nosti [Development of the complementarity principle] *Nil's Bor. Zhizn' i tvorcestvo: Sbornik statej* [Nils Bor: Life and creative work]. M.: Nauka Publ., 1967. P. 61–87.

Shtajjn K.E. Garmonija pojeticheskogo teksta: Sklad. Tkan'. Faktura [Harmony of poetic text: Structure. Fabric. Texture]. Stavropol: Stavropol State University Publ., 2006. 646 p.

Shtajjn K.E., Petrenko D.I. Filologija: Istorija. Metodologija. Sovremennyje problemy [Philology: History. Methodology. Current problems]. Stavropol: Stavropol State University Publ., 2011. 916 p.

Shtajjn K.E., Petrenko D.I. Garmonija i simmetrija [Harmony and symmetry]. Rostov-on-Don: «Kni-ga» Publ., 2015. 704 p.

Smirnov I.P. Khudozhestvennyj smysl i evoljutsija pojeticheskijh sistem [The essence of art and evolution of poetic systems]. M.: Nauka Publ., 1977. 204 p.

Solov'ev V.S. Ideja chelovechestva u Avgusta Konta [The idea of mankind in Augustus Conte's works] *Solovjev V.S. Sобрание sochinenij* [Collection of works: in 10 vols.]. Saint-Petersburg: Prosveshchenie Publ., 1913. Vol. 9. P. 172–193.

SYNCRETIC PHENOMENA IN A. BLOK'S POETRY

Klara E. Stain

Professor in the Department of Russian Language
North-Caucasus Federal University

Denis I. Petrenko

Professor in the Department of Theory and Methods of Teaching Philological and Historical Disciplines
Stavropol State Pedagogical Institute

The article is devoted to the problem of aesthetics of A. Blok's poetic language as a way to create the «active» form of poetry. The main pragmatic aim of symbolists is defined as coauthorship between a poet and a reader. A. Blok's poetry is characterized by the use of a wide range of such grammatical text units as substantive lexemes, from usual to occasional ones. Thus, operating the language as classification essence, the poet can show complementarity and uncertainty in a human's perception of the world phenomena through ambiguous syncretic language units. Poetic text is capable of «reviving» all previous meanings of substantive lexemes in internal semantic forms, and these previous meanings start «working» equally with actual text meanings of substantive lexemes. A substantive lexeme not only «stores» the whole system of its previous transformations in its internal form but in certain contexts is capable of reproducing them through complementarity relations, that is through equal manifestation of mutually exclusive properties in the same language unit. Substantive lexemes as syncretic language means are typical of A. Blok's poetry style. Basing on language invariants, the poet comes to such a ramified system of language variants that it makes a relatively independent subsystem of A. Blok's poetic language, contributing to the creation of «active» poetic forms.

Key words: syncretism; usual and occasional substantive lexemes; symbolism.